

О филологическом методе (насушные заметки)

С.И. Николаев

Аннотация: Размышления о филологическом методе и теоретических основах литературоведческих исследований были представлены в выступлении на круглом столе «Основания историзирующего прочтения» на XLV Международной филологической конференции Санкт-Петербургского государственного университета (март 2016 г.). Статья на основе доклада будет включена в коллективный труд «Искусство медленного чтения. История, традиция, современность», подготовленный в Отделе теории литературы ИМЛИ РАН. Редакция «ЛФ» благодарит автора, а также ответственного редактора-составителя указанного сборника Н.Н. Смирнову за возможность предварительной журнальной публикации.

Ключевые слова: филологический метод, научная теория, микроистория, историческая антропология, протопоп Аввакум (Петров).

Информация об авторе: Сергей Иванович Николаев, д.ф.н., член-корреспондент РАН, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru

Я занимаюсь историей литературы и здесь выступаю как историк литературы. Бытует мнение, что историки литературы скептически относятся к теории. И для такого мнения есть все основания. Например, мой учитель академик А.М. Панченко за четверть века никогда не вел со мной разговоров на темы методологии. Иногда он мог иронически высказаться о двух самых популярных в последней четверти XX в. теориях, его ирония была вызвана тем, что эти теории претендовали на объяснение всего. Правда, как-то раз, читая мою курсовую работу, он дошел до цитаты из «Теории литературы» Р. Уэллека и О. Уоррена и посоветовал: «Уберите эту цитату – это учебник». Мне было жалко, но цитату я убрал и правильно сделал. Больше на такие труды я не ссылался. После кончины А.М. Панченко я собирался написать о нем и хотел сравнить свои соображения с мнением тех, кто знал его гораздо раньше меня. Его старинный товарищ, хорошо знавший его еще с начала 1960-х, на мой вопрос «Что было главное

в методе Александра Михайловича?», ответил без промедления: «Талант». Я с ним согласился, хотя и отогнал непрошенную мысль, что методология — удел бесталанных. Я сказал, что А.М. Панченко не вел со мной разговоров о методологии, и это так. Но не менее справедливым будет утверждение, что четверть века мы с ним говорили только о методологии историко-филологической работы.

Но крупные ученые могли высказываться и резче. Так, А.И. Доватур вспоминал, что академик С.А. Жебелев «терпеть не мог разговоров о методологии. Какой-то немец крупный говорил: “Кто не может говорить по существу дела, тот говорит о методологии”. А Жебелев один раз напустился на Андрея Николаевича Егунова, причем несправедливо. Андрей Николаевич считался его любимым учеником. Мы сидим, что-то такое читаем, и только Андрей Николаевич говорит: “Методология...”, — Жебелев не дал ему закончить, повернулся к нему: “Кто в вашем возрасте ... говорит о методологии, тот ничего не сделает в науке!” Андрей Николаевич осекся, потому что он совсем не это хотел сказать»¹.

Конечно, тут есть некоторый парадокс. В отличие от мольеровского Журдена, который простодушно не знал, что говорит прозой, Жебелев хорошо представлял себе, что такое методология, а в 1923 г. издал «Введение в археологию»². И вообще, именно крупные ученые оставили замечательные труды по методологии. Сейчас возродился интерес к работам по методологии истории академика А.С. Лаппо-Данилевского³, не утратила своей ценности «Наука о литературе» Ю. Кшижановского⁴, самого крупного в XX в. польского историка литературы и фольклориста. Назову и «Теорию литературы» (1925) Б.В. Томашевского. По списку работ академика В.Н. Перетца можно бы думать, что у него была репутация законченного позитивиста, но в 1914 г. он издал исключительно полезную книгу «Из лекций по методологии истории русской литературы»⁵. Семинарий В.Н. Перетца дал отечественной филологии целую плеяду выдающихся ученых. Новый член семинария должен был показать знание иностранных языков и сделать сообщение о какой-нибудь методологической кон-

¹ Доватур А. И. Устные воспоминания / Подг. текста и примеч. Л. Л. Ермаковой // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб., 2014. Вып. 5. С. 195.

² См.: Жебелев С. А. Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 1–2.

³ См.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: В 2 т. М., 2010. Т. 1.

⁴ См.: Krzyżanowski J. Nauka o literaturze. Wyd. 2. Wrocław, 1969.

⁵ См.: Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучений. Методы. Источники. Киев, 1914.

цепции. После этого он допускался к описанию рукописей и текстологической работе с ними. Дэвид Перкинс, автор теоретической книги с провокативным названием «Is Literary History Possible?»¹, вовсе не записной деконструктивист, а автор серьезных историко-литературных трудов об английском романтизме. В действительности историки литературы вовсе не сторонятся вопросов теории, но у них к ним свой подход.

Не так давно я обсуждал с одним магистрантом тему его диссертации. В конце беседы он неожиданно спросил: «А какую избрать методологию?» Я, признаться, несколько запнулся, поскольку считал, что наша беседа была посвящена и этому вопросу. В ответ я рассказал ему следующую историю, такой «притчевый метод обучения». В 2015 г. скончался известный оксфордский филолог-классик Мартин Уэст (1937–2015), он подготовил много изданий древнегреческих авторов, включая «Илиаду», написал ряд книг, в том числе новое пособие по текстологии на смену известному руководству Пауля Мааса. В 2009 г. один мой молодой коллега на фуршете после конференции оказался соседом Уэста и вступил с ним в беседу. Уэсту было уже более 70 лет, он охотно разговорился и, в частности, рассказал, что в 1960-е гг., когда он писал диссертацию, его университетский наставник обучил его британскому филологическому методу. Молодой коллега тут же оживился: «А что это за метод?» – Уэст ответил: «А такого метода и нет: просто надо пользоваться тем, что лучше всего подходит для данной проблемы»². Молодой коллега потом сообщил, что формулировка Уэста соотносится с известными словами знаменитого немецкого филолога-классика Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа: «Ох уж этот хваленый “филологический метод”! На самом деле его попросту не существует, как не существует метода ловить рыбу. Кита бьют гарпуном, лосося остройгой, на камбалу наступают ногой, сельдь ловят неводом, форель – на удочку. Где же здесь единый метод рыбной ловли?»³

Таким образом, главное в работе историка литературы – проблема, а уже она определяет методы ее решения. Конечно, сформулированный Уэстом британский филологический метод был высказан в

¹ См.: *Perkins D.* Is Literary History Possible? Baltimore, 1992.

² *Nikolaev A. M.* L. West and the British Philological Method (https://www.academia.edu/14390225/M._L._West_and_the_British_Philological_Method; дата обращения 03.04.2016).

³ Цит. по: *Schadewaldt W.* Hellas und Hesperien: Gesammelte Schriften zur Antike und zur neuen Literatur. Zürich; Stuttgart, 1970. Vol. 2. P. 606–607.

жанре «застольных бесед», что нисколько не уменьшает его ценности. Но вот что он говорил об изучении литературы в речи на вручении ему премии Бальзана в 2000 г. за труды в области изучения античности: «можно выделить по меньшей мере три различных подхода к изучению литературы. Термин “литературоведение”, по сути, применим только к одному из этих подходов, в то время как моя творческая энергия была в основном посвящена двум другим. Вот эти три подхода: во-первых, рассмотрение внутренних качеств литературных произведений, их красот или огрехов, изучение творческого мира автора, его стиля и метода, и так далее; во-вторых, исследование отношения произведения к внешнему миру: вопросы его датировки и подлинности, его зависимость от предшественников и от традиции, в русле которой это произведение находится, интеллектуальные и культурные влияния, которым был подвержен его автор; и в-третьих, подход, который нередко использует результаты двух предыдущих, ставя своей целью определить, что именно написал автор и что именно он имел в виду. Эти три подхода можно обозначить как литературную критику, историю литературы и филологию. Я считаю себя филологом и историком литературы»¹. К этой замечательной по своей прозрачности и ясности формулировке добавить нечего. Но она вовсе не так уж и проста, в том числе и слова «что именно написал автор и что именно он имел в виду». Здесь я бы хотел привести пронизательное наблюдение нашего филолога-классика А.К. Гаврилова из его очерка об А.И. Доватуре: «Поклонение факту не есть отрицание теории, потому что факты не даны, а лишь устанавливаются как раз с помощью проверки и анализа, и в этом построении реальности для того, кто воссоздает ее, важен не только факт, но и сильное переживание метафизического, если угодно, свойства. Как иначе определить это упорное стремление, невзирая на труд и вечное сомнение, усмотреть в хаотичной груде сохранившихся текстов — этих языковых слепков отрывочной, гениальной, лживой, заторможенной человеческой мысли — обманчивый, часто причудливый и все время ускользающий контур былой действительности? Позитивизм это или нет, но науке нужно именно это, потому что это — дух науки»².

Вывод, к которому я так долго подводил, вполне ожидаем: главное в работе историка литературы не методология как таковая, а на-

¹ Опубликовано в кн.: *Hesperos: Studies in Ancient Greek Poetry Presented to M.L. West on his Seventieth Birthday* / Ed. by P.J. Finglass, C. Collard and N.J. Richardson. Oxford University Press, 2007. P. XX. (Пер. А.С. Николаева).

² *Гаврилов А. К. О филологах и филологии.* СПб., 2010. С. 199.

учная проблема. Размышление над проблемой приводит к фактам и к путям решения проблемы. Если же исследователь — особенно начинающий — идет не от проблемы, а от методологии, то довольно часто мы получали и получаем бесконечные хронотопы, интертексты, «локальные тексты» и проч. А вот ценность таких работ далеко не однозначна. И М.М. Бахтин, Ю. Кристева или В.Н. Топоров в этом никак не повинны.

Это были соображения, относящиеся к проблематике, обозначенной в аннотации круглого стола. Обращаясь к теме круглого стола уже в узком смысле, вынужден отметить, что в вихре быстро меняющейся в последние десятилетия литературоведческой моды, сопровождаемой суетой и гонкой, мы не всегда даже успеваем вспомнить двустиише:

И я сжег все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал....

Между тем, все сказанное мной ранее вовсе не значит, что историк литературы должен чураться новых методов в литературоведении. Наоборот, он должен использовать в своей работе любые методики, позволяющие лучше решить поставленную научную проблему. Мне представляется, что весьма плодотворным является, в частности, метод микроистории, разработанный Карло Гинзбургом. Его труды переведены на русский язык¹, он сам не раз приезжал в Россию, поэтому подробно останавливаться на характеристике его метода нет смысла. Привлекательной стороной метода Гинзбурга является то, что микроанализ не противостоит целостному описанию («метановествованию») и не отменяет его. Как подчеркивал сам Гинзбург, *микро-* означает *пристальность взгляда*, а не масштаб исследуемого предмета. Существенная особенность метода заключается в том, что рассказ о прошлом языком современности заменяется восстановлением картины прошлого во всей ее целостности, без всяких отсылок к современности, то есть на смену презентизму приходит антикваризм, что в целом характерно для исторической антропологии. Гинзбург — историк, и его метод разрабатывался для исторических исследований, но методика вполне может быть использована и в работе историка литературы. Попытаюсь показать это на одном эпизоде из Жития пророка Аввакума.

¹ См.: Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история: Сб. статей. М., 2004.

Во время скитаний Аввакума по Сибири происходит известный эпизод с падением его жены Настасьи Марковны, которая поскользнулась на льду и не могла подняться, а потом пеняла протопопу: «Дольго ли муки сея, протопоп, будет?» и я говорю: «Марковна, до самых до смерти!» Она же, вздохня, отвечала: «Добро, Петрович, ино еще побредем». Сразу после этого Аввакум рассказывает о курочке. «Курочка у нас черненька была, по два яичка на день приносила — робяти на пищу божиим повелением, нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. И нынеча мне жаль курочки той, как на разум приидет. Ни курочка, ништо чудо была: во весь год по два яичка на день давала. Сто рублей при ней — плюново дело, железо! А та птичка одушевлена, божие творение, нас кормила, а сама с нами кашку сосновую ис котла тут же клевала, или и рыбки прилучится — и рыбку клевала, а нам против тово по два яичка на день давала. Слава Богу, вся строившему благая!»¹

Этот замечательный эпизод отметили В.В. Виноградов в своей статье «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопы Аввакума», Н.С. Демкова при характеристике художественных особенностей Жития, А.М. Панченко в учебнике по древнерусской литературе, В.В. Кожин в монографии «Происхождение романа»². Приведу только цитату из многократно переиздававшегося учебника Н.К. Гудзия: «Эпизод с курочкой, помещенный вслед за рассказом о тяжелом пути Аввакума с семьей из Даурии на Русь, — одна из любопытнейших жанровых картин в “Житии”, придающих ему характер непринужденного повествования, столь далекого от канонической формы обычного жития»³. Казалось бы, курочка у всех на слуху и никуда подеваться не может. Может! В середине 1990-х гг. был опубликован очерк «Древнерусская литературная анималистика», автор которого уделил «Житию» Аввакума отдельную главку на нескольких страницах⁴. Там представлен пестрый и почти барочный bestiary,

¹ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 369.

² См.: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 28; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 461, 463, 467; История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. Учебное пособие для педагогических институтов. М., 1980. С. 433; Кожин В. Происхождение романа. М., 1963. С. 230–231.

³ Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 5. М., 1953. С. 452.

⁴ См.: Демин А. С. Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М., 1995. С. 89–126.

преимущественно сибирский, но курочку автор даже не упомянул — видимо, это же просто курица, то есть обычная домашняя птица. Получается, с одной стороны, курочка есть, и все ее ценят, а с другой стороны — ее и вовсе нет.

Присмотримся к тексту Жития. Аввакум в небольшом отрывке трижды кряду говорит о том, что курочка «по два яичка на день давала». Почему трижды? Потому что крестьянская аудитория, к которой он обращался и из которой он вышел сам, прекрасно знала, что обыкновенная курица так не несется. «Чудо», как кажется, объясняется необыкновенной, говоря техническим языком, яйценоскостью курочки. «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» конца XIX в. говорит, что «Средним числом получают от одной К. в год: ... 60–80 яиц от простой при примитивных условиях содержания, до 200 от культурной»¹. По данным XX в. яйценоскость куриц колеблется от 140 до 220 яиц в год, только курицы-рекордсменки дают до 365 яиц в год. Вообще-то, это издавна знали и читающие люди. У Эзопа есть басня на эту тему: «О вдове и о курице». Приведу ее в переводе с греческого языка, выполненном в XVII в.: «Некая жена-вдовица име курицу, на всяк день яйца ей родящую. Помысли себе, яко аще болши курице ячмени предлагати, будет дважды днем родити. И сице сотвори. Курица же, отолстевши и тучна суци, ниже единого яйца днем родити возможе. Толкование. Притча являет, яко любостязания ради болши желающия и настоящая погубляют»². «По два яичка на день» может давать только чудесная курочка, ее историю и излагает Аввакум и ее нечаянную смерть он искренне оплакивает. Для чудесной яйценоскости курочки у Аввакума наготове и объяснение: «божиим повелением», «Бог так строил». Поскольку Аввакум пишет житие, то в нем должны быть и чудеса. Но для своих житийных чудес он выбирает самый обыденный материал. История черной курочки — это вовсе не жанровая картина, а житийное чудо. В описании черненькой курочки есть еще одна очень важная психологическая черта. Описывая и оплакивая свою любимицу, нелепо и нечаянно погибшую при трагических обстоятельствах, Аввакум ностальгически вспоминает много лет спустя о давешнем и минувшем, о том чудесном и удивительном, что когда-то было у него и скрашивало его трудную жизнь. Конечно, Даурия — это вовсе

¹ К. Г. Куры // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. 17 (33): Култагой — Лёд. СПб., 1896. С. 116.

² Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб., 2005. С. 219.

не «утраченный рай», но страдания в пустозерской земляной тюрьме были много горше¹.

Для небольшого выступления я выбрал и небольшой фрагмент Жития. Несколько иная оптика и несколько иной инструментарий позволяют, как кажется, увидеть ранее незамеченные контексты и значения, небесполезные для интерпретации Жития. Представляется, что метод микроистории вкупе с антикваристским подходом могут быть плодотворны и для истории литературы, особенно старшего времени. Справедливости ради нужно отметить, что и ранее в отечественной филологии схожие методы применялись, и довольно успешно (см. работы Б.А. Романова, К.В. Чистова, А.М. Панченко и др.). Просто у Карло Гинзбурга метод приведен в систему, вписывающуюся в парадигму исторической антропологии.

Литература

- Виноградов В.В.* О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Гаврилов А.К.* О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 380 с.
- Гинзбург К.* Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М.: Новое издательство, 2004. 348 с.
- Гудзий Н.К.* История древней русской литературы. Изд. 5. М.: Знание, 1953. 512 с.
- Демин А.С.* Древнерусская литературная анималистика // Древнерусская литература: Изображение природы и человека. М.: Наследие, 1995. С. 89–126.
- Доватур А.И.* Устные воспоминания / Подг. текста и примеч. Л.Л. Ермаковой // Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Вып. 5. 404 с.
- Жебелев С.А.* Введение в археологию. Пг.: Наука и школа, 1923. Ч. 1–2.
- Кожин В.* Происхождение романа. М.: Советский писатель, 1963. 440 с.
- Лапто-Данилевский А.С.* Методология истории: В 2 т. М.: РОССПЭН, 2010.
- Николаев С.И.* Курочка протопопы Аввакума и выдра Яна Пасека // *Russica Romana*. 2003. Vol. 10. P. 35–43.
- Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучений. Методы. Источники. Киев: тип. «Труд», 1914. 332 с.

¹ См. подробнее: *Николаев С. И.* Курочка протопопы Аввакума и выдра Яна Пасека // *Russica Romana*. 2003. Vol. 10. P. 35–43.

Тарковский Р.Б., Тарковская Л.Р. Эзоп на Руси. Век XVII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 552 с.

Krzyżanowski J. Nauka o literaturze. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. 520 p.

Nikolaev A. M. L. West and the British Philological Method (https://www.academia.edu/14390225/M._L._West_and_the_British_Philological_Method).

Perkins D. Is Literary History Possible? Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.

References

Vinogradov V.V. *O iazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 360 p. (In Russ.)

Gavrilov A.K. *O filologakh i filologii: Stat'i i vystupleniia raznykh let* [About Philologists and Philology: Articles and speeches of various years]. Saint-Petersburg, S.-Peterb. un-ta Publ., 2011. 380 p. (In Russ.)

Ginzburg K. *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya* [Myths, emblems, signs: Morphology and History]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004. 348 p. (In Russ.)

Gudzii N.K. *Istoriia drevnei russkoi literatury* [The history of Old Russian literature]. 5 ed. Moscow, Znanie Publ., 1953. 512 p. (In Russ.)

Demin A.S. Drevnerusskaia literaturnaia animalistika [Old Russian literary animalier art]. *Drevnerusskaia literatura: Izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature: Image of the nature and person]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, pp. 89–126. (In Russ.)

Dovatur A.I. Ustnye vospominaniia [Oral memories], podg. teksta i pri-mech. L.L. Ermakovoi. *Drevnii mir i my: Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [Ancient World and Us: Classical Heritage in Europe and Russia]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2014, vyp. 5. 404 p. (In Russ.)

Zhebelev S.A. *Vvedenie v arkheologiyu* [Introduction to archeology]. Petrograd, Nauka i shkola Publ., 1923. Vyp. 1–2. (In Russ.)

Kozhinov V. *Proiskhozhdenie romana* [Origins of the novel]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 440 p. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii A.S. *Metodologiya istorii* [Methodology of History], v 2 t. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. (In Russ.)

Nikolaev S.I. Kurochka protopopa Avvakuma i vydra Iana Paseka [Protopope Avvakum's Hen and Jan Pasek's otter]. *Russica Romana*, 2003, vol. 10, pp. 35–43. (In Russ.)

Peretts V.N. *Iz lektsii po metodologii istorii russkoi literatury: Istoriia izucheniia. Metody. Istochniki* [From lectures on the methodology of the history of the Russian literature: history of the studies. Methods. Sources]. Kiev, Trud Publ., 1914. 332 p. (In Russ.)

Tarkovskii R.B., Tarkovskaia L.R. *Ezop na Rusi. Vek XVII* [Aesop in Russia. Century XVII]. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 552 p. (In Russ.)

Krzyżanowski J. *Nauka o literaturze*. Wyd. 2. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1969. 520 p.

Nikolaev A. M. L. *West and the British Philological Method* (https://www.academia.edu/14390225/M._L._West_and_the_British_Philological_Method).

Perkins D. *Is Literary History Possible?* Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1992.

On a Philological Method (Notes on a Matter of Current Interest)

Sergey I. Nikolayev

Abstract: Current reflexions on a philological method and theoretical basis of the literary research were the subject of the paper presented at the panel “The Grounds for the Historicizing Reading” at the XLV International Philological Conference held in St. Petersburg University, March 2016. The article based on the paper is to be published in the collection *The Art of Close Reading. History, Traditions, Modernity* (Moscow: IMLI RAN Publ., 2017). The Editorial Board of *Literary Fact* is grateful to the author and to N.N. Smirnova, the editor of the collection, for the opportunity to make a preprint in our journal.

Keywords: philological method, scientific theory, microhistory, historical anthropology, protopope Avvakum (Petrov)

Information about the author: Sergey I. Nikolayev, Doctor Hab. in Philology, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. The Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia. E-mail: sergej_nikolaev2@mail.ru